

Внешнеполитическое положение Закавказья в преддверии Батумских дипломатических переговоров

ГЕГАМ ПЕТРОСЯН

Октябрь 7, 2017, СоюзИнфо, Аналитика, Политика

*Доктор исторических наук, профессор,
декан факультета международных отношений
Ереванского государственного университета*

(Апрель 1918 г.)

В апреле 1918 г. в Закавказье произошла череда судьбоносных военно-политических событий. Оба условия Турции, выдвинутые на Трапезундской мирной конференции стали явью: в нарушение положений 4-ой статьи Брест-Литовского договора Турция захватила Батум, Ардаган и Карс; под ее давлением Закавказье отделилось от России и объявило себя независимым государством. Тем самым вопрос Брест-Литовского мирного договора для Турции был полностью и окончательно закрыт, а независимость Закавказья освобождала военно-политическое руководство Турции не только от обязательств по Брест-Литовскому мирному договору, но и открывала ряд новых возможностей для территориальной экспансии.

Кстати, в беседе, состоявшейся в Батуме 10 мая 1918 г., Джемаль-паша, министр военно-морских сил Турции, убеждал членов Закавказской мирной делегации: «Вы не сразу же признали Брест-Литовский мирный договор и тем самым создали для нас условия для предъявления новых требований».[1] Было бы наивно верить словам Джемаль-паши. Вопреки его утверждениям, под прикрытием возобновления дипломатического переговорного процесса с независимым Закавказьем, военно-политическое руководство Турции, скрывая истинные мотивы и цели перемирия, получило широкие возможности для продолжения разработанных ранее воинственных и захватнических планов: сначала отвлечь, ввести в заблуждение, усыпив бдительность и дух сопротивления правительства и народов региона (в частности, армян), а затем захватить все Закавказье, не охваченное целиком границами Брест-Литовского мирного договора. В военные планы Энвера-паши входило завоевание всего Закавказья. Османское правительство вступило в новый этап осуществления своих военно-политических приоритетов. Опасность турецкого вторжения становилась все более осязаемой, на этот раз перед угрозой геноцида и депатриации (лишения родины), подобно Западной Армении и других населенных армянами регионов, оказалось восточное армянство.

В новых благоприятных для себя условиях османское правительство опять прибегло к ставшей для него традиционной и оправдавшей себя военно-политической тактике – с одной стороны – вести переговоры, а с другой – отрывая от Закавказья все новые территории, оказывать давление на процесс

дипломатических переговоров и языком ультиматума навязать свои несправедливые требования.

Следует отметить, что турецкое правительство использовало этот прием не только в преддверии, но и в процессе Трапезундских и Батумских турецко-закавказских дипломатических переговоров, а также в дальнейшем.

Несмотря на это члены Закавказского Сейма и правительства, имевшие разную политическую ориентацию и преследовавшие разные цели, не смогли своевременно, быстро сориентироваться и правильно оценить новые, тяжелые для региона последствия военно-политической тактики Турции. По оценке А. Агароняна «Закавказский Сейм и правительство были далеки от осознания всей серьезности этой угрозы и были не в состоянии разрешить эту тяжкую обязанность, нависшую над ними».[2] Они придерживались того мнения, что поскольку оба основных требования, выдвинутые Турцией для подписания мирного договора на Трапезундской конференции, выполнены, будучи удовлетворены турки остановятся, получив по условиям Брест-Литовского договора Батум, Ардаган и Карс, и войне будет положен конец. Это мнение было обусловлено также и тем, что после отделения Закавказья от России и объявления независимости им казалось, что вопрос возобновления турецко-закавказских переговоров уже стоит на повестке дня. Новый председатель Закавказского правительства, он же министр иностранных дел А. Чхенкели еще вечером 10-го (23) апреля 1918 г. телеграфировал главнокомандующему турецкой армии Вехибу-паше, что его правительство принимает условия Брест-Литовского договора и просит прекратить военные действия и возобновить прерванные в Трапезунде (1-го (14) апреля) дипломатические переговоры, для того, чтобы в кратчайшие сроки заключить с Турцией мир. «На этот раз наша миссия, — пишет А. Хатисян, — казалась очень легкой. Мы думали, что нужно поехать и подписать некий договор, соответствующий условиям Брест-Литовска».[3] Однако все их надежды развеялись, как только стало известно, что туркам перемирия недостаточно и они не собираются возобновлять процесс дипломатических переговоров с Закавказьем. «Но как могли турки сейчас захотеть договориться с Закавказьем, — пишет О. Иразек, — и остановить свое продвижение? С падением Карса, а также Батума в их руках оказались ключи от всего Закавказья так значит, зачем добиваться мира, если можно с минимальными издержками занять любую область?».[4] После захвата Карса 12-го (25) апреля турки продолжили наступление, предъявив уже иные территориальные претензии – захват всего Закавказья и проникновение в Иран и страны Средней Азии для осуществления своих пантюркистских устремлений. Тем самым Турция стала угрожать военно-политическим и экономическим интересам Германии, закрывая ей доступ на Ближний Восток, и одновременно, лишая её возможности пользоваться крайне необходимыми ей природными ресурсами — обстоятельство настолько разозлившее Германию, что она решила умерить турецкие аппетиты и не позволить Турции нарушить Брест-Литовский мирный договор. Наконец, железнодорожная сеть региона была крайне необходима обеим воюющим сторонам и могла способствовать усилению той стороны, которая бы включила ее в сферу своего влияния. Захватив Карс и Батум, турки уже взяли те ключевые пункты железной дороги, которые соединяли турецкий фронт с Ираном. Эта же дорога вела и к бакинской нефти, и в Среднюю Азию. «Беда, однако, в том, — пишет Авалов, — что вторжение турок в Закавказье сразу и фатально вызывало разнообразные и опасные осложнения. Ведущая в

Иран железная дорога проходила по армянским провинциям, где турок также соблазняла мысль продолжения политики истребления армян, которую они проводили в Турции (Западной Армении – Г. П.) в течение войны (Первой мировой – Г. П.). И этим провоцировалась взаимная резня, вражда между армянским и татарским населением».[5] Таким образом, нетрудно заметить, почему в Закавказье столкнулись геополитические и экономические интересы двух союзников – Турции и Германии.

Экономические вопросы волновали Германию в Закавказье, не меньше военно-политических, тем более, что в годы Первой мировой войны немцы особо остро ощутили нехватку топлива и других природных ресурсов. В этой связи глава Генштаба Германии генерал Э. Людендорф пишет: «Мы можем надеяться на бакинскую нефть, только если она будет в наших руках. Я помню, как сильно Германия нуждалась в топливе, какие у нас были затруднения со светом и какие они вызвали последствия. После перехода седьмой армии в наступление топливные резервы армии были исчерпаны. Остро ощущалась необходимость топлива. Украинская железная дорога также сильно нуждалась в нефти. Мы попытались довести эксплуатацию румынской нефти до максимума и, тем не менее, не успевали восполнить эту нехватку. Тогда это казалось возможным, если бы мы привозили ее с Закавказья, особенно из Баку, если бы мы одновременно решили вопрос транспортировки... Самым решающим вопросом оставался вопрос, как дойти до Баку».[6]

Еще до начала Первой мировой войны немцев очень интересовали природные богатства Грузии (густые леса), особенно марганец Чиатури, крайне необходимый металлоплавильням Германии. «9 марта (11 апреля) 1918 г. особая дипломатическая миссия Германии, отправившаяся в Трапезунд, провела переговоры с председателем Закавказской мирной делегации А. Чхенкели, чтобы обсудить предложение о закупках и экспорте марганца из Чиатури в Германию. «Факт потрясающе быстрого использования немцами марганцевого дела, — пишет А. Хатисян, — ясно свидетельствует о том, что они следили за ходом наших переговоров и, не теряя ни минуты, появились с намерением извлечь пользу из создавшейся ситуации. Поразительный образец немецкой ловкости: в Батуми все еще слышны артиллерийские залпы, еще нет приказа Закавказского правительства и турецкой империи о перемирии, а немцы уже хотят начать торговлю».[7] По оценке З. Авалова «Мы, не без основания думали, что здание германо-грузинских отношений строилось на этом черном камне (так по-грузински называется марганец)».[8] За это содействие немцы обещали обеспечить и защитить безопасность Грузии – ее границы.

Восточная Армения не вызывала у немцев экономического интереса, однако по ее территории проходила часть железнодорожного пути, вокруг которого сталкивались военно-политические и экономические интересы Германии и Турции. Исходя из своих интересов, немцы обещали «содействовать» армянам. Однако дальнейшее ухудшение и без того напряженных отношений с союзнической Турцией, для Германии — соучастнице Геноцида и изгнания армян с родины, было неприемлемо. Как показали дальнейшие события и политическая ситуация, в условиях конфликта интересов стран союзнической четверки армянская дипломатия не смогла своевременно предугадать будущее, быстро и хорошо подготовиться. Нам кажется, что дипломатические усилия разных армянских

делегаций в Берлине, Вене и Константинополе[9] были изначально нереалистичными и, естественно, не удостоились «ощутимой» поддержки Берлина и его союзников. Позднее А. Хатисян признается: «Мы опоздали, так же, как опаздывали столько раз за историю последних лет. Причина всегда была в том, что мы переоценили собственные силы и недооценили силу врага.».[10]

Таким образом, геополитические и экономические интересы Германии подталкивали ее к покровительству Грузии и Азербайджана. Германия потребовала, чтобы военно-политическое руководство Турции прекратило военное продвижение и территориальные аннексии в регионе и села за стол переговоров с Закавказьем. Под ее давлением 27 апреля 1918 г. в Константинополе был заключен тайный германо-турецкий договор, согласно которому Закавказье было поделено на сферы влияния Турции и Германии.[11] По договору к Турции отходили все завоеванные ею в Закавказье армянские территории, а также железная дорога Карс-Александрополь-Джульфа. Остальные территории Закавказья – Грузия и Азербайджан отходили в сферу влияния Германии. Тем не менее, в дальнейшем туркам удалось урвать право беспрепятственного транзита войск, якобы для того, чтобы остановить продвижение английских войск в Северном Иране, тогда как тандем Талаат-Энвер стремился в Баку.

Только потом немцам стало известно, что беспрепятственное перемещение турецких войск было лишь дипломатической уловкой. В тот же день 27-го апреля Турция, в обход германо-турецкого договора, заключила тайный договор с мусаватистами, который открывал туркам дорогу к бакинской нефти и туркестанскому хлопку. Немцы поняли, что обмануты, но было уже поздно. Брат Энвера Нури-паша сумел захватить Баку еще до окончания подготовки немецких войск к отправке.[12] Этот шаг был новым вызовом интересам Германии, который еще больше ухудшил и без того напряженные отношения с Турцией. И неслучайно, что вскоре в ответ на турецкие действия, в результате тайных германо-турецких переговоров Грузия получила предложение Германии стать ее протекторатом, а через несколько месяцев – 27 августа 1918 г. между Германией и Советской Россией было заключено дополнение к Брест-Литовскому договору, по которому Германия решала вопрос об удовлетворении своих требований в отношении бакинской нефти.[13] Однако, как показали дальнейшие события, военно-политическому руководству Турции удалось осуществить свои планы в Закавказье.

На следующий день после заключения германо-турецких переговоров – 28 апреля, военно-политическое правительство Турции согласилось сесть за стол переговоров с Закавказьем. По взаимному согласию сторон на этот раз мирные переговоры было решено продолжить в Батуме.

[1] НАА, ф. 200, п. 1, д. 8, л. 110.

[2] Le Statut Internationale de l'Arménie, Dictionnaire Diplomatique, Académie Diplomatique Internationale, 1934, t. 1, p. 197.(автор благодарен А. Енокяну за предоставление перевезенного из Парижа материала).

- [3] А. Хатисян, Генезис Республики Армения, Афины, 1930, с. 49 (на арм. яз.).
- [4] О. Иразек, Из близкого далека. Исторические события и переживания, 1917-1922, Бейрут, 1956, с. 23 (на арм. яз.).
- [5] З. Авалов, Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг. Воспоминания. Очерки, Paris, 1924, р. 48-49.
- [6] Э. Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг., (Военные мемуары), М., Вече, 2014, с. 597.
- [7] НАА, ф. 200, сп. 1, д. 8, л. 107.
- [8] З. Авалов, указ. соч., с. 106.
- [9] См. НАА (протоколы армянских делегаций), ф. 200, сп. 2, д. 11, л. 9-125; в. 12, л. 22-102; д. 13, л. 7-9; ф. 4033, сп. 2, д. 962, л. 88, 93, 96-97, и т. д. См. также Г. Аветисян, Армянский вопрос в 1918 г., Ер., 1997; А. Айруни, Армянский вопрос во внешней политике Германии в 1918 г., Ер., ЕГУ, 2013 (на арм. яз.).
- [10] А. Хатисян, указ. соч., с. 52.
- [11] Г. Пипия, политика Германии в Закавказье в 1918 г., Сборник документов, Тбилиси, 1971, с. 10; его же Германский империализм в Закавказье в 1910-1918 гг., М., 1978, с. 101-102.
- [12] Э. Людендорф, указ. соч., с. 598.
- [13] А. Хачатрян, Восточноармянско-турецкие дипломатические отношения, Ер., 2010, с. 9.